

Обращение православных епископов к правительству СССР («Соловецкое послание»)

Составлено в день отдания Пасхи 9 июня 1926 г.

Вариант названия:

Памятная записка Соловецких епископов, представленная на усмотрение Правительства.

Несмотря на основной закон Советской Конституции, обеспечивающий верующим свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления, не может перенести свою деятельность в ее исторический центр – Москву, ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии или, допущенные туда, бывают вынуждены отказаться от выполнения самых существенных обязанностей своего служения – проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения.

Местоблюститель патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылках или на принудительных работах. Не отрицая действительности этих фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка.

Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей пыталась в официальных обращениях к Правительству рассеять окутывающую ее атмосферу недоверия. Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и советской властью, тяжелым для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач, побуждают руководящий орган Православной Церкви еще раз с совершенной справедливостью изложить перед Правительством принципы, определяющие ее отношение к государству.

Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви, и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви.

Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, т.к. всегда признавала это правом государства, за действия которого она не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительства всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республики Северо-Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею Правительства советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие

разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего благосостояния, коммунизм же не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия.

С высоты философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условными, результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодonoшения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию, как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах мирозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицается коммунизмом. Никакими компромиссами и уступками, никакими частными изменениями в своем вероучении или перетолкованием его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христиане по существу своему не отличаются от коммунистов и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей, что и Евангелие, но свойственными ему способами, т.е. не силой религиозных убеждений, а путем принуждения. Другие рекомендовали пересмотреть христианскую догматику в том смысле, чтобы ее учение об отношении Бога к миру не напоминало отношение монарха к подданным и более соответствовало республиканским понятиям, третьи требовали исключения из календаря святых «буржуазного происхождения» и лишения их церковного почитания. Эти опыты, явно неискренние, вызвали глубокое негодование людей верующих.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от обвешанного святыней прошлых веков вероучения в угоду одному из вечно сменяющихся общественных настроений. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому Правительству в устройении материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным Правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований его не принять. Господь Иисус Христос заповедал нам предоставлять «цесарево», т.е. заботу о материальном благополучии народа, «цесарю», т.е. государственной власти, и не оставил своим последователям завета влиять на изменение государственных форм или руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры. Оттого, внутренне чуждая правительству древнеримской империи или

недавней Турции, она могла оставаться и действительно оставалась лояльной в гражданском отношении. Но и современное государство, со своей стороны, не может требовать от нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего важным в этом отношении, решительно заявляя, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач и предоставляет гражданам полную религиозную свободу.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства.

К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство, как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям. Церковь, на которую ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, между тем в школах и организациях молодежи детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишаящим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и священными для верующего исключительно по своему религиозному значению. В целях пропаганды противорелигиозной по силе этого закона у Церкви отобраны и помещены в музеи почитаемые ею останки святых.

В порядке управления Правительство принимает все меры к подавлению религии: оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ, к упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания (и даже только идеалистического направления) и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной церковью, которой советская власть, вопреки ей же изданным законам, оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной. В официальном акте Правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признает обновленческий синод. Обновленческий раскол имеет действующие беспрепятственно органы высшего и епархиального управления, его епископы допускаются в епархии, им разрешается посещение общин, в распоряжении их почти повсеместно переданы отобранные у православных соборные храмы, обыкновенно вследствие этого пустующие.

Обновленческое духовенство в известной степени пользуется даже материальной поддержкой Правительства: так, например, его делегаты получили бесплатные билеты по железной дороге для проезда в Москву на их так называемый «священный собор» 1923 г. и бесплатное помещение в Москве в 3-м доме Московского совета. Большая часть православных епископов, находящихся в тюрьмах и ссылке, подверглись этой участи за

их успешную борьбу с обновленческим расколом, которая по закону составляет их бесспорное право в порядке управления, но рассматривается в качестве противодействия видам Правительства.

Православная Церковь не может, по примеру обновленцев, засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажет вслух всему миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только их лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях. Напротив, по всей справедливости она должна заявить, что не может признать справедливыми и приветствовать ни законов, ограничивающих ее в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб ей обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугою государства. Лояльности Православной Церкви советское Правительство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить Правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления патриарха, подавшие повод к этим обвинениям, но все изданные патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного Правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало.

В то время складывающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов Правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они избивали епископов и священнослужителей ни в чем не повинных, врывались в дома и больницы, убивали там людей, расхищали имущество, ограбляли храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если бы при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящего. Проникнутая своими государственными национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом.

И в этом случае она не разошлась со своим вероучением, требующим от нее послушания гражданской власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к советскому Правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны. До конца своей жизни патриарх оставался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы. Со времени его издания нельзя указать ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано участие православного клира в деяниях, имевших своею целью ниспровержение советской власти.

Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страдающие в ссылке, в тюрьмах или на принудительных работах, подвергались этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможной защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них. Православную иерархию обвиняют в сношении с эмигрантами, политическая деятельность которых направлена против советской власти. Это второе обвинение также далеко от истины, как и первое.

Патриарх Тихон осудил политические выступления зарубежных епископов, сделанные ими от лица Церкви. Кафедры ушедших с эмигрантами епископов были замещены другими лицами.

Когда созванный с его разрешения Карловацкий Собор превысил свои церковные полномочия и вынес постановления политического характера, патриарх осудил его деятельность и распустил Синод, допустивший уклонения Собора от его программы. Хотя канонически православные епархии, возникшие за границей, подчинены Российскому патриархату, однако в действительности управление ими из Москвы и в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношения с ними, что снимает с патриарха и его заместителей ответственность за происходящее в них. Можем заверить Правительство, что мы не принимаем участия в политической деятельности и не состоим с ними ни в открытых, ни в тайных сношениях по делам политическим. Отсутствие фактов, уличающих православную иерархию, в преступных сношениях с эмигрантами, заставляет врагов Церкви прибегать к гнусным подлогам.

Таков «документ», предъявленный в октябре 1925 г. Введенским, именующим себя митрополитом, на так называемом «священном соборе» обновленцев, не постыдившимся сделать вид, что он поверил в подлинность этой грубо сфабрикованной подделки. Свои отношения к гражданской власти на основе закона об отделении церкви от государства Церковь мыслит в такой форме. Основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа с этой целью лишены как активного, так и пассивного избирательного права, и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета.

Отсюда следует, что Церковь, как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия Правительства, но отсюда вытекает и то, что она не должна и одобрять их, так как не только порицание, но и одобрение Правительства есть вмешательство в политику и право одобрения предполагает и право порицания, или хотя бы право воздержаться от одобрения, которое всегда может быть понято как знак недовольства и неодобрения. Соответственно этому Церковь и действует.

С полной искренностью мы можем заверить Правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских воззваниях. Церковные учреждения, начиная с приходских советов и кончая патриаршим Синодом, отнесутся к ним, как к предметам, выходящим за пределы их компетенции. Они не будут также вносимы в программу приходских собраний, благочиннических собраний и епархиальных съездов, всероссийских соборов и не будут на них совсем затрагиваемы. В избрании членов церковных учреждений и представительных собраний Церковь совершенно не будет считаться с политическими взглядами, социальным положением, имущественным состоянием и партийной принадлежностью избираемых, каковы бы они ни были, и ограничится предъявлением им исключительно религиозных требований и чистоты веры, ревности о нуждах Церкви, безупречности личной жизни и нравственного характера.

В республике каждый гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и к влиянию в установленной законом форме на его состав.

И это является не только его правом, но и обязанностью, гражданским долгом, в выполнении которого никто не вправе стеснять его. Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые и должны указывать ему наилучший путь к строению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, — нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая лишь общие принципы нравственности, призывая к добросовестному исполнению своих обязанностей, к действию не в интересах личного блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы.

Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в республике с необходимостью влечет за собой и ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов. В этом лежит глубокое различие между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя обязательство перед Правительством следить за лояльностью своих единомыслителей, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поручке другим. Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимыми с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих же принципов вытекает и недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях.

Обновленческий раскол, возвращая себя в положение государственной церкви, такой суд допускает. На так называемом обновленческом соборе 1923 г. по обвинению в политических преступлениях были подвергнуты церковным наказаниям, по справедливости вмененными Православной Церковью в ничто, патриарх Тихон и епископы, удалившиеся с эмигрантами за границу. Православная Церковь такой суд отвергает. Те церковно-гражданские законы, которыми руководствовалась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководствоваться Церковь, не предусматривают суда над клириками по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих церковные наказания за преступления подобного рода. В качестве условий легализации церковных учреждений представителем ОГПУ неоднократно предъявлялось патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к Правительству путем осуждения русских епископов, действующих за границей против советской власти. Исходя из изложенных выше принципов, мы не можем одобрить обращения церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы тем более, что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, питает недоверие к их законопослушности и мешает установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от нас потребовали выразить свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, так как собрание канонических правил, как

было сказано, не предусматривает суда за политическое преступление. Но даже если бы православная иерархия, не считаясь с этим обстоятельством, по примеру обновленцев решила приступить к такому суду, то встретила бы целый ряд специальных затруднений, создающих неустранимые препятствия к закономерной постановке процесса, при которой единственно определение суда может получить непререкаемый канонический авторитет и быть принято Церковью.

Зарубежных епископов мог бы судить только Собор Православных Епископов, но вполне авторитетный не может состояться уже потому, что около половины православных епископов находятся в тюрьме или ссылке и, следовательно, их кафедры не могут иметь законного представительства на Соборе. Согласно церковным правилам вселенского значения, необходимо личное присутствие обвиняемых на суде, и только в случае злонамеренного уклонения их от суда разрешается заочное слушание дела. Зарубежные епископы, тяжкие политические преступники в глазах советской власти, в случае их прибытия в пределы СССР были бы лишены гарантий личной безопасности, а потому их уклонение и не могло бы быть злонамеренным. Всякий суд предполагает судебное следствие. Православная Церковь не располагает органами, через посредство которых она могла бы расследовать дело о политических преступлениях православных епископов за границей. Но она не могла бы произнести свой суд и на основании того обвинительного материала, который собран правительственными учреждениями, если бы даже он был представлен в Собор, так как в случае возражения против него со стороны обвиненных или представления ими новых данных и оправдывающих документов, Собор был бы поставлен в необходимость пересмотра правительственного расследования, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимым нарушением гражданских законов.

Обновленческий собор 1923 г., сделавший опыт суда, которого от нас требуют, и пренебрегший церковными законами, которые его не допускают, тем самым сделал свои постановления ничтожными и никем не признанными. Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но он содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви: в ее вероучение, богослужение и управление.

Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к ней те обязательства по сохранению ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится в настоящее время, что законы об учении детей Закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храмы.

Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созвать для этого, когда она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский православный Собор. Церковь надеется, что Правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выбор членов этих съездов и Собора, не стеснит свободы обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определение о составе Священного Синода, принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор над нами.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение Правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что она с совершенною искренностью изложила перед советской властью, как затруднения, мешающие установлению взаимно благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверительное отношение может быть основано только на совершенной справедливости, она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что она может обещать советской власти, в чем не может отступить от своих принципов и чего она ожидает от Правительства СССР.

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагая свое упование на непреборимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания.